

DOI 10.15826/izv2.2023.25.4.068
УДК 94(470)“1886/1888”.342.5 +
+ 929 Александр(470)*III +
+ 929 Оболенский

Н. В. Черникова
Институт российской истории РАН
Москва, Россия

МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III (на материалах дневника кн. В. С. Оболенского)

Статья посвящена изучению специфики придворного управления как составляющей обширной проблемы истории государственных учреждений дореволюционной России. Министерство императорского двора, в силу близости к монарху, занимало особое положение в бюрократической системе государства. В его структуре и организации работы были сильны пережитки XVIII столетия. Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть нюансы работы придворного ведомства по обеспечению быта царской семьи в 1880-е гг., когда была предпринята попытка реформы министерства двора на общих для бюрократической системы началах, определить причины неудачи этой перестройки и истоки все же состоявшихся преобразований.

В основу статьи положен до сих пор не введенный в научный оборот дневник гофмаршала Александра III князя В. С. Оболенского-Нелединского-Мелецкого, хранящийся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. В отличие от известных свидетельств высших чиновников министерства двора (В. С. Кривенко, А. А. Мосолова), носящих мемуарный характер, дневник Оболенского раскрывает ежедневную и многогранную деятельность служащих при дворе, восстанавливает значение отдельных чиновников высшего и среднего звена, отношения между ними.

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что организация повседневной и парадной сторон жизни царской семьи обеспечивалась слаженной работой огромного механизма, четкость функционирования которого во многом зависела от распорядительности и профессионализма высших чинов двора. В отличие от других министерств, в работе придворного ведомства большое значение имела система отношений, складывающаяся между представителями императорской фамилии и придворными чинами. Именно она мешала своевременной ротации кадров и проведению назревших преобразований. Это положение нивелировалось главенствующей ролью личного фактора, который определял действительное значение служащих в большей степени, чем их официальное положение.

К л ю ч е в ы е с л о в а: министерство императорского двора; гофмаршал; Александр III; В. С. Оболенский; придворно-хозяйственная деятельность; реформа; личные отношения

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01607 «Дневник гофмаршала Александра III князя В. С. Оболенского. 1886–1888 гг.», <https://rscf.ru/project/22-28-01607/>

Ц и т и р о в а н и е: *Черникова Н. В.* Министерство императорского двора в царствование Александра III (на материалах дневника кн. В. С. Оболенского) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 186–199. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.068>

Поступила в редакцию: 28.02.2023

Принята к печати: 24.10.2023

Natalia V. Chernikova

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

MINISTRY OF THE IMPERIAL COURT UNDER ALEXANDER III (with Reference to Prince V. S. Obolensky's Diary)

This article studies the specifics of court administration as a component of the extensive problem of the history of state institutions of pre-revolutionary Russia. Due to its proximity to the monarch, the Ministry of the Imperial Court occupied a special position in the bureaucratic system of the state. In its structure and organisation of work, the vestiges of the eighteenth century were strong. The purpose of the study is to reveal the nuances of the work of the court department in providing for the life of the royal family in the 1880s, when an attempt was made to reform the Ministry of the Court on a common basis for the bureaucratic system, to determine the reasons for the failure of this restructuring, and the origins of the transformations that did take place.

The article is based on the diary of Prince V. S. Obolensky-Neledinsky-Meletsky, Marshal of the Imperial Court of Alexander III, which has not been introduced into scholarly circulation previously and is stored in the Department of Written Sources of the State Historical Museum. Unlike the well-known testimonies of the highest officials of the Ministry of the Court (V. S. Krivenko, A. A. Mosolov), which are of a memoir nature, Obolensky's diary reveals the daily and multifaceted activities of employees at the court, restores the importance of individual senior and middle officials, and the relationships among them.

The analysis makes it possible to conclude that the organisation of the household and ceremonial aspects of the life of the royal family was ensured by the coordinated work of a huge mechanism, whose precision of functioning largely depended on the orderliness and professionalism of the highest ranks of the court. Unlike other ministries, in the work of the court department, the system of relations that developed among representatives of the imperial family and court ranks was of great importance. This is what prevented the timely rotation of personnel and the implementation of much needed reforms. This situation was levelled by the dominant role of the personal factor, which determined the importance of employees to a greater extent than their official position.

Key words: Ministry of the Imperial Court; Marshal of the Imperial Court; Alexander III; V. S. Obolensky; court economic activity; reform; personal relationships

Acknowledgements

The article was prepared with the financial support of the *Russian Science Foundation* grant 22-28-01607 “Diary of V. S. Obolensky, Marshal of the Imperial Court of Alexander III. 1886–1888”, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01607/>

For citation: Chernikova, N. V. (2023). Ministerstvo imperatorskogo dvora v tsarstvovanie Aleksandra III (na materialakh dnevnika kn. V. S. Obolenskogo) [Ministry of the Imperial Court under Alexander III (with Reference to Prince V. S. Obolensky's Diary)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(4), 186–199. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.068>

Submitted: 28.02.2023

Accepted: 24.10.2023

Министерство императорского двора и уделов было особым явлением в чиновном Петербурге. Его внутренняя структура вместо стройной вертикали власти представляла собой конгломерат учреждений, многие из которых возникли в XVIII в., а часть имела истоки еще в Московской Руси. При этом даже после образования министерства в 1826 г. все они действовали на основании специальных положений. Министерство включало конюшенную, медицинскую и церемониальную части, императорские библиотеки, театры, удельное ведомство и пр. Но главное его назначение, как писал в записке 1883 г. министр двора граф И. И. Воронцов-Дашков, заключалось в том, чтобы «ведать хозяйство государево» [Министерская система..., с. 855].

В современной исторической науке изучение придворного мира с точки зрения особенностей администрирования и обеспечения бытовых потребностей и репрезентативных функций императорской семьи является одним из активно развивающихся направлений. Однако усилия исследователей сосредоточены в основном на XVIII – первой половине XIX в. [Агеева, 2008; 2018; Несмеянова, 2007; Выскочков]. Пореформенный период получил отражение лишь в общих работах, освещающих структуру Министерства императорского двора [Высшие и центральные государственные учреждения..., т. 3, с. 163–164; Несмеянова, 1998; Потапина; Министерская система...] и дворцовый быт императорской России [Зимин; Девятов, Зимин], а также в немногочисленных исследованиях посвященных отдельным управлениям министерства [Медицина и императорская власть...]. Особенности ведения придворного хозяйства в пореформенную эпоху, нюансы его реформирования в 1880-е гг. до сих пор не становились предметом изучения.

Сложившаяся историографическая ситуация во многом обусловлена состоянием источниковой базы, узость которой не позволяет всесторонне осветить указанные проблемы. В связи с этим особое значение получает неопубликованный дневник гофмаршала Александра III князя Владимира Сергеевича Оболенского-Нелединского-Мелецкого (1847–1891). В силу своей должности князь Оболенский оказался в центре перемен, происходивших в министерстве

императорского двора в царствование Александра III, и его дневник отразил все сложности и перипетии этого процесса.

Управлением дворцовым хозяйством в рамках министерства императорского двора ведала сначала Придворная Его Императорского Величества контора (1726–1882), затем Главное дворцовое правление (1882), Главное дворцовое управление (1883–1891) и наконец (с 1891 г.) Гофмаршальская часть.

Во главе Придворной конторы стоял президент (обер-гофмаршал), помощником которого был вице-президент (гофмаршал). Контора занималась убранством, освещением и отоплением петербургских и загородных дворцов, содержанием садов и оранжерей, а также организацией в них строительных и ремонтных работ; в состав ее обязанностей входила постоянная ревизия и пополнение дворцовых кладовых (бельевых, сервизных, посудных и пр.) и винных погребов, обеспечение продовольствием императорской семьи и придворных, организация торжеств (балов, маскарадов, концертов и пр.), а также царских поездок. Кроме того, на Придворную контору было возложено содержание официантов и служителей и Певческой капеллы [Обзор..., паг. 3, с. 4; Высшие и центральные государственные учреждения..., т. 3, с. 163–164].

В январе 1882 г. хозяйственная часть императорского двора претерпела реорганизацию, целью которой было полное сосредоточение дворцового хозяйства в руках обер-гофмаршала. Придворная контора была расформирована, и вместо нее создано Главное дворцовое правление (с 1883 г. — Главное дворцовое управление). Во главе его также стоял обер-гофмаршал, которому, помимо учреждений, подведомственных Придворной конторе, были подчинены Конюшенная и Егермейстерская части, придворное духовенство, а также арсеналы и библиотеки [Обзор..., паг. 3, с. 11].

Эти преобразования отразили стремление министра двора И. И. Воронцова-Дашкова (и его вдохновителя В. С. Кривенко) реформировать министерство с целью привести его структуру в стройную централизованную систему и изменить традиционный для министерства порядок, когда «не только начальники (президенты) управлений или их заместители, но и нередко представители маленьких ответвлений шли непосредственно к министру за указаниями, шли с докладами по разнообразным мелочным делам» [Кривенко, с. 172]. Превращение обер-гофмаршала в подобие товарища (помощника) министра, с подчинением ему отдельных частей и управлений должно было решить эту проблему.

Попытка, однако, закончилась, фактически не начавшись. Уже в декабре 1882 г. многие части вернули свою автономность и подчинение непосредственно министру, а функции обер-гофмаршала снова сузились. С 1883 г. подчиненными Главному дворцовому управлению остались лишь гофмаршальская часть и петербургские и загородные императорские дворцы, заведывание которыми было возложено на помощника обер-гофмаршала по хозяйственной части.

Позже В. С. Кривенко объяснял неудачу реформы противодействием («сепаратизмом») начальников отдельных управлений, в первую очередь — придворно-конюшенной части и придворной охоты (соответственно В. Д. Мартынова

и Г. А. Черткова) [Кривенко, с. 177]. И это не было преувеличением, поскольку субъективный фактор в министерстве двора играл особенную роль.

В то время как к концу XIX в. в бюрократических структурах при подборе кадров все большее значение получал профессионализм кандидатов и их опытность в избранной сфере, в придворном ведомстве решающее значение имели личные симпатии императора. Ротация персонала неизменно возносила на высшие должности людей, с юности, а то и с детства близких царствующему монарху либо просто пользующихся его уважением и доверием.

Противодействие предпринимаемым министром преобразованиям, немыслимое в других ведомствах, здесь не только было возможно, но и имело все шансы на успех. Особенно справедливо это замечание для начала 1880-х гг. В отличие от своих предшественников, не предпринимавших резких кадровых перестановок в министерстве двора, Александр III сменил почти все его высшее руководство. Этому способствовал целый ряд обстоятельств. На Александра III тягостное впечатление произвел последний год жизни его отца, женившегося морганатическим браком на своей давней фаворитке Е. М. Долгорукой, преклонение многих придворных перед женой стареющего монарха, в некоторых случаях доходивших до заискивания, наконец, гибель императора, которую не сумело предотвратить его ближайшее окружение. Свою роль сыграли и обнаруженные в ведомстве беспорядки. «Касса министерства оказалась полной, — вспоминал В. С. Кривенко, — зато дворцовое хозяйство обветшало, и весь служебный персонал оплачивался по-нищенски» [Там же, с. 166].

Так что уже в 1881 г. воцарившийся монарх назначил нового министра двора. Им стал друг молодости Александра III генерал-лейтенант граф И. И. Воронцов-Дашков. В том же году обер-гофмаршалом, заведующим всем дворцовым хозяйством, был назначен 68-летний Э. Д. Нарышкин (1813–1902), которого Александр III «уважал и любил» [Шереметев, с. 574].

Затем последовал целый ряд назначений на разные должности бывших адъютантов императора: В. Д. Мартынова — вице-президентом Придворной конюшенной конторы (1881), кн. В. С. Оболенского — гофмаршалом (1882), гр. С. Д. Шереметева — начальником Придворной певческой капеллы (1883), кн. В. А. Бярятинского — начальником императорской охоты (1883), В. А. Шереметева — командиром императорского конвоя (1884) и гр. А. В. Олсуфьева — начальником канцелярии Императорской Главной квартиры (1885).

Особенно долго (несколько месяцев) шли поиски гофмаршала, который должен был обеспечивать малейшие нюансы частной и публичной жизни императорской семьи. После учреждения Главного дворцового правления именно на него была возложена «работа по надзору за всем ходом хозяйственной и показной парадной жизни во дворце — резиденции императора. Он должен был там дневать и ночевать, быть всегда начеку для получения приказаний и немедленного их осуществления» [Кривенко, с. 176].

Выбор Оболенского был неслучаен [Черникова] и оказался очень удачен. С. Д. Шереметев писал, что Оболенский был человек «вполне русский, вполне

соответствовавший государю для его домашнего хозяйства», добросовестный и вскоре стал незаменим [Шереметев, с. 585].

Приняв должность гофмаршала в апреле 1882 г., Оболенский оказался в двойственном положении. Его первые шаги на новом поприще были сделаны под непосредственным руководством обер-гофмаршала Э. Д. Нарышкина. Они вместе ездили в Петергоф распределять квартиры для свиты перед переездом туда царской семьи [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 1, л. 57 об.], осматривали оранжереи и помещения Гатчинского дворца [Там же, л. 89 об., 155]. Нередко Нарышкин приглашал Оболенского к себе, чтобы обсудить те или иные вопросы или передать ему список приглашенных на придворные торжества. Таким образом, Оболенский действовал как ближайший помощник обер-гофмаршала. Но в то же время не до конца реализованная реформа придала ему независимость в рамках собственной компетенции.

Это самостоятельное значение гофмаршала поддерживалось и тем, что, наряду с другими управляющими отдельными частями министерства, он вошел в Совет при министре императорского двора [Высшие и центральные государственные учреждения..., с. 178]. Сохранившаяся традиционная практика постоянного контакта высших придворных чинов с министром приводила к тому, что именно обер-гофмаршал де факто оказывался в этой системе лишним звеном. Между тем, Нарышкин служил в придворном ведомстве с 1856 г. (правда, с перерывами), в 1859–1861 гг. он даже исполнял обязанности вице-президента Придворной конторы (т. е. гофмаршала). Именно поэтому он с трудом принимал новые условия, ослабившие его непосредственное участие в тех областях обеспечения бытовой и парадной жизни двора, где обер-гофмаршал всегда играл ведущую роль. Нарышкин старался оставаться максимально деятельным, нередко по старинке вмешивался в компетенцию подчиненных ему лиц, в которых видел лишь своих помощников. Однако сам он в силу возраста уже не мог проявить должной активности. Он часто жаловался на здоровье, уезжал лечиться, а его полноценному участию в заседаниях Совета и совещаниях с министром мешала глухота [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 3, л. 32 об.]. Впрочем, проблемы не исчезли и с уходом Нарышкина с поста обер-гофмаршала в середине июня 1884 г. Его преемник князь С. Н. Трубецкой был моложе Нарышкина на 16 лет, но в отличие от него являлся новичком в придворном мире, и Оболенскому пришлось неоднократно выступать в роли ментора — посвящать своего начальника в тонкости придворного хозяйства, наставлять, как делают приглашения и пр. [Там же, л. 106, 107 об.]. Ученик, однако, оказался «бестолков».

Кроме того, не обладая необходимыми для самостоятельной деятельности знаниями, он боялся «упустить власть из рук» [Там же, л. 107], суетился, приказывал, но его непрофессиональное вмешательство часто приводило к путанице, вызывало раздражение и недовольство всех так или иначе подчиненных ему лиц. «Трубецкой меня злит, — писал Оболенский в апреле 1885 г., — ничего не знает и во все хочет вмешиваться, люди его не хотят признавать» [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 4, л. 55]. В погоне за властью и влиянием обер-гофмаршал нередко забывал

о своих непосредственных обязанностях. «Трубецкого никогда нет дома, — отмечал в дневнике Оболенский, — получаемые бумаги лежат у него и сохнут. <...> Граф Воронцов постоянно убеждается в полной его непригодности» [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 5, л. 9].

В конце концов против обер-гофмаршала был составлен негласный заговор — все дела решались без его участия и со временем все больше — за его спиной. «Надувать» Трубецкого — называл это Оболенский [Там же, л. 27; ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 7, л. 39]. Таким образом, все больше работ по организации придворного хозяйства Оболенский выполнял без оглядки на своего непосредственного начальника.

Основной задачей гофмаршала было обеспечение царского стола и, шире, довольствие всего двора. Помимо рядовых приемов пищи это включало организацию торжественных завтраков, обедов и ужинов, независимо от того, происходили ли они в Петербурге, пригородных резиденциях или во время поездок по России. В этом последнем случае на место заранее выезжала дежурная прислуга¹ [Обзор..., паг. 3, с. 124–125; Девятов, Зимин, с. 233–234], туда же доставлялись необходимые продукты, и гофмаршал при этом должен был быть готов к любым непредвиденным ситуациям. Например, в августе 1885 г. у вагона-ледника на пути к Киеву сгорели оси, и он застрял в Скуратове [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 4, л. 116 об.].

За царским столом часто собиралось несколько сотен человек. Задачей гофмаршала при этом было максимально точно определить разницу между числом приглашенных, присутствующих и ужинающих гостей. При этом учитывалось, что далеко не все приглашенные на многолюдные собрания действительно смогут прибыть и, рассчитывая число кувертов для большого новогоднего бала в Зимнем дворце, гофмаршал сокращал число гостей на треть, будучи уверенным, что останутся и лишние места. Действительно, в 1885 г., например, на большой бал 10 января было разослано 3173 приглашения, «вошло на бал около 2000, ужин готовился на 2100 человек» [Там же, л. 8 об.]; в 1887 г. (15 января) списки приглашенных включали 3175 человек, ужин готовился «до 2100 кувертов», «ужинало до 2020 человек» [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 6, л. 10], а в 1889 г. (16 января) на большой бал «званных 3150, приехало 2170, ужинало до 2030, свободных мест почти не было» [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 8, л. 12 об.] и т. д. Сходным образом заказывался ужин и для менее многолюдных балов. На бал в Концертном зале Зимнего дворца 29 января 1887 г. было разослано 910 приглашений. «Мест для ужина 750, надеюсь, хватит», — меланхолично замечал Оболенский накануне [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 6, л. 16 об.]. И оказался прав: на следующий день «ужинало 710 чел[овек]» [Там же, л. 17]. Соответственно, поступок обер-гофмаршала

¹ Придворные служители делились на местный и подвижной состав. Из последних составлялись дежурные бригады для сопровождения царской семьи во время поездок и путешествий, а также для сопровождения иностранных владетельных лиц.

Трубецкого, заказавшего для бала с 400 приглашенными ужин на 390 персон, Оболенский посчитал глупостью [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 5, л. 106].

После определения числа гостей заказывалось меню, причем число блюд варьировалось в зависимости от торжественности случая. Но и этим обязанности гофмаршала не исчерпывались.

Не меньшую важность представляло убранство помещений, для чего в большом количестве использовались драпировки, ленты, специально доставленные из оранжерей цветы, из которых не только составлялись букеты, но и плелись гирлянды. Дневник Оболенского вскрывает все сложности, которые приходилось при этом решать гофмаршалу, тем более что царские трапезы нередко выносились за пределы дворца. Во время военных учений или императорских охот столы могли быть накрыты даже под открытым небом. Так, в 1890 г. во время учений под Нарвой завтрак был сервирован на лугу у деревни Ополе. И продолжить его не помешал даже начавшийся дождь: «подавали блюда, десерты, кофе, как будто была чудная погода», — писал очевидец [Царские поездки..., с. 167]. Но чаще трапезы проходили в больших палатках, которые для этого обильно украшали лентами и цветами как внутри, так и снаружи [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 5, л. 112]. В зимнее время года использовались любые отапливаемые помещения. Так, 10 февраля 1884 г. ужин был устроен в Манеже и фуражных сараях при нем [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 3, л. 24]. Конечно, украшение таких «залов» требовало особого усердия и внимания со стороны гофмаршала, творческого подхода к их оформлению.

Кроме того, в обязанности гофмаршала входил подбор столовой мебели, белья и посуды. Для обеспечения всего необходимого в его распоряжении находились многочисленные кладовые и погреба в столичных и загородных дворцах (мебельные, сервизные, бельевые, винные и пр.). Периодически Оболенский проводил их ревизию, один, с обер-гофмаршалом или его помощником по хозяйственной части. В дневнике неоднократно встречаются упоминания о необходимости заказа тех или иных вещей.

Правда, первое время деятельность Оболенского в этом направлении была несколько ограничена. В первой половине 1880-х гг. при дворе большую роль играл камер-фурьер по хозяйственной части Р. Ингано. Пользуясь тем, что права и обязанности этой должности не были четко определены, Ингано уверенно распоряжался продуктовыми и винными запасами, с легкостью получая у Нарышкина утверждение всех своих распоряжений [Кривенко, с. 175]. После смерти Ингано 4(16) февраля 1885 г. выяснилось, что все находившиеся в его ведении погреба пребывали в ужасном беспорядке. Специально собранная комиссия во главе с Оболенским в течение нескольких дней занималась описью погребов столичных (Зимнего и Аничкова) и загородных дворцов (в Царском Селе, Петергофе и Гатчине). «Сумбур и грязь невообразимые, беспорядок полный», «в делах Ингано хаос», — записывал Оболенский в дневнике [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 4, л. 20, 21 об.]. С этого времени погреба были взяты им под полный контроль, назначены чиновники, ответственные за связи с поставщиками и хранение

продуктов [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 4, л. 22]. Содержание и пополнение винных погребов Оболенский контролировал лично, указывая, сколько и какого вина нужно заказать [Там же, л. 29; д. 5, л. 21 об., 24, 31, 33, 42 и пр.].

Отвечал Оболенский и за музыкальное сопровождением парадных трапез, для чего приглашал Придворный хор или оркестры и певчих разных гвардейских полков. Через гофмаршала проходила подготовка художественно оформленных меню и музыкальных программ.

Вся эта работа занимала огромное количество времени. Ежедневно, за редким исключением, он бывал во дворце, часто ездил в Главное управление, осматривал погреба, решал массу текущих вопросов с подчиненными и вышестоящими, с императором и императрицей. Как и предвидела его жена, с назначением гофмаршалом Оболенский совершенно «потерял свободу» [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 1, л. 49].

Кроме этих непосредственных обязанностей на Оболенского, как на помощника обер-гофмаршала, часто возлагалось составление списков приглашенных и размещение гостей за столом. Обе эти функции входили в компетенцию обер-гофмаршала, но частое отсутствие Нарышкина, а затем и Трубецкого, их нераспорядительность приводили к тому, что Оболенский брал на себя эти задачи.

Сложнее всего обстояло дело с приглашениями на различные мероприятия. Списки гостей составлялись заранее, согласовывались с императрицей, нередко лично принимавшей участие в этой работе; затем они передавались в Главное управление, которое занималось рассылкой приглашений. Исключение из этой деятельности стоявшего во главе Управления обер-гофмаршала было невозможно. Изменение традиционного порядка происходило исподволь, хотя участие Оболенского в составлении списков приглашенных было заметным с самого начала. По крайней мере, во время коронации Александра III в мае 1883 г. государственный секретарь А. А. Половцов именно его обвинял в том, что приглашение на обед в Грановитой палате не было ему доставлено [Половцов, т. 1, с. 97–98]. И все же Нарышкин еще активно занимался этим вопросом. Все изменилось при его преемнике кн. Трубецком, который постоянно затягивал с рассылкой приглашений. В ряде случаев Оболенскому приходилось вмешиваться и даже действовать через министра. «По моему настоянию, — записывал он в дневнике 14 января 1886 г., — гр. Воронцов приказал посылать приглашения на бал, Трубецкой всё медлит» [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 5, л. 10 об.].

Оставляла желать лучшего и полнота списков. Так, рассылая приглашения на один из парадных завтраков, «Трубецкой забыл дам» [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 4, л. 62]. А в январе 1886 г. Оболенский обнаружил «оч[ень] много пропусков и недосмотров» в списке дам, получивших приглашения на посещения Таврического катка [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 5, л. 5].

Такое нарушение обер-гофмаршалом отлаженного механизма придворного администрирования было, конечно, недопустимо, и неработающее звено стало постепенно исключаться из общего движения придворной жизни. В определенном смысле переломным стал 1886 год, когда Оболенский все чаще

стал единолично решать те вопросы, которые раньше он обсуждал с обер-гофмаршалом. Так, с начала 1886 г. списки приглашенных нередко составлялись без участия обер-гофмаршала или посылались ему для рассылки в исправленном Оболенским варианте [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 5, л. 15, 16 об.].

Во второй половине 1880-х гг. Оболенскому пришлось взять на себя и составление программ продолжительных празднеств, их согласование с императорской четой [Там же, л. 102 об.]. Расширились и его функции по распределению квартир и размещению свиты при переезде императора из резиденции в резиденцию, поездках на военные учения или в путешествия по России. С самых первых шагов на придворном поприще Оболенский участвовал в подборе помещений и обстановки, занимался, например, закупкой цветных умывальников, мебели и шкафов для Гатчины [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 1, л. 136 об.; д. 3, л. 19 об.]. Однако организация продолжительных поездок требовала особой компетенции. Речь шла не только о размещении императорской семьи и ее свиты, но и о помещениях для охраны и многочисленной прислуги, об обеспечении правильного функционирования всего походного хозяйства, включая многочисленные парадные трапезы. Кроме того, требовалось окончательно определить маршрут (в том числе и исходя из соображений удобства и безопасности), уточнить или даже определить программу в каждом месте пребывания и во время кратких остановок. Все это делало необходимым предварительные командировки высших придворных чинов. В 1884 г. в Царство Польское перед путешествием туда императора отправился Нарышкин. А вот начиная с 1885 г. эту работу выполнял Оболенский. Первоначально он ограничивался лишь распределением квартир. Именно этому были посвящены его короткие поездки в Финляндию 2–3 июля 1885 г. [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 4, л. 95–95 об.] и затем в Киев 3–7 августа 1885 г. [Там же, л. 111–113]. Однако, сопровождая императора в Малороссию, гофмаршал отметил слабый уровень организации этого пребывания. «Распределение дней», которое заранее предоставил Оболенскому генерал-губернатор А. Р. Дрентельн, казалось ему недостаточным. «Во избежание недоразумений в будущем необходимо посылать обер-церемониймейстера вперед, чтобы уговориться насчет программы пребывания», — записывал он [Там же, л. 119].

Однако уже в следующем году Оболенский и сам прекрасно справился с этой обязанностью. Его поездка в Брест-Литовск (Гродненская губ.) 27–30 июля 1886 г. включала не только распределение квартир, но и определение мест для ночлега, а следовательно, и программы дневных передвижений императора. Оболенский лично объездил все пункты, которые собирался посетить Александр III, договорился о торжественных встречах, программе празднования усиления вооружения Брестской крепости и пр. [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 5, л. 107 об.–109].

Наибольших трудов стоила Оболенскому подготовка царского путешествия на Кавказ в 1888 г., когда он в течение месяца (с 9 мая по 6 июня) побывал в Елисаветграде, Полтаве, Харькове, Таганроге, Ростове, Екатеринодаре, Владикавказе, Тифлисе, Баку, Кутаиси, Батуме и др. Помимо распределения квартир

и хозяйственных распоряжений в каждом городе он оговаривал и программу пребывания императора и его свиты [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 7, л. 68 об.–82 об.].

Деловитость и распорядительность Оболенского высоко ценились царской четой. Все их распоряжения и пожелания выполнялись незамедлительно, было ли это приглашение на вечер во дворец именитых артистов (что подразумевало и подготовку сцены) [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 3, л. 4 об.], приказание императора разбудить императрицу в день ее именин финской музыкой [Там же, л. 105] или пожелание самой Марии Федоровны, чтобы Оболенский «устроил ей отъезд» за границу уже через день. «Суета лютая», — записывал он по этому поводу в дневнике [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 7, л. 115 об.].

Таким образом, при формальном сохранении главенства обер-гофмаршала центр придворного хозяйства постепенно смещался к гофмаршалу. Уже в декабре 1886 г. Оболенский замечал, что Трубецкой во дворце «как будто... и не бывает, влияние его менее 0» [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 5, л. 170].

В другом ведомстве отставка некомпетентного чиновника даже такого ранга была бы неминуема, но господствующий в Министерстве двора фактор личных отношений тормозил, а временами делал невозможным принятие подобного решения. Наконец, в конце декабря 1888 г. вопрос об отставке Трубецкого был поставлен. Обсуждалось несколько кандидатур его преемника. При этом мысль о структурной перестройке министерства — придании гофмаршалу полной самостоятельности — даже не возникла, хотя в конце концов именно это де факто и произошло. 31 декабря министр двора гр. Воронцов-Дашков объявил Оболенскому, что Трубецкой останется на своем месте, но «будет в роде куклы» [ГИМ, ф. 224, оп. 2, д. 7, л. 186 об.]. Действительно, Трубецкой продолжал играть свою роль на всех дворцовых выходах и приемах, во время которых он гордо выступал «испанским шагом» [Кривенко, с. 178; Шереметев, с. 507], ему было полностью сохранено содержание [Обзор..., паг. 3, с. 23]. Но во всем остальном он был приравнен к первым чинам двора, от которых не требовалось административной службы.

Главное дворцовое управление было теперь подчинено министру, а все распоряжения по гофмаршальской части перешли под полную ответственность гофмаршала. Это касалось не только довольствия двора, но и устройства балов и празднеств, дел подвижного состава придворнослужителей и церемониальной части Главного дворцового управления. При таком обилии трудов для помощи гофмаршалу была даже учреждена специальная должность его помощника [Там же]. Но только в 1891 г. Главное дворцовое управление было, наконец, упразднено и на его основе сформированы две самостоятельные структуры — Петербургское дворцовое управление и Гофмаршальская часть. На последнюю, писали авторы официального «Обзора деятельности Министерства императорского двора и уделов» дополнительно были возложены новые функции, в том числе распоряжения, касающиеся путешествий императорской семьи и приема особ иностранных правительств [Там же, с. 37–38]. Это утверждение не вполне соответствует реальности. Как свидетельствует дневник Оболенского, все эти

задачи (включая размещение иностранных гостей) решались гофмаршалом по меньшей мере с середины 1880-х гг. Однако при общей неготовности министерства к кардинальным переменам, особой щепетильности по отношению к пользующимся доверием и уважением императора высшим чиновникам двора шаги по оформлению уже произошедших на практике изменений неизбежно запаздывали.

Вряд ли в этом стоит видеть особую косность Министерства императорского двора. Конечно, вплоть до конца XIX столетия оно сохраняло ряд архаических черт: дробную структуру, вовлеченность министра в решение мелких проблем, превалирование значения личного фактора над профессиональным. Но в то же время необходимо подчеркнуть, что важной чертой, отличавшей придворное ведомство, была практическая направленность его деятельности, целью которой было обеспечение повседневной и парадной сторон жизни императорского двора. Так что среди предъявляемых к его руководящему составу требований наиболее важными представлялись способность к организационной работе, добросовестность и даже физическая активность. Несоответствие этим качествам при затрудненности отставки приводило к временному падению значения одних должностей и повышению других.

Рассматривая с этой точки зрения неудачу предпринятой в начале 1880-х гг. реформы, можно сделать вывод, что ее причины лежали в попытке новых в ведомстве людей (И. И. Воронцова-Дашкова и В. С. Кривенко) изменить десятилетиями складывавшийся и доказавший свою эффективность порядок управления хозяйством императорского двора, придав министерству вид, более привычный для бюрократической системы XIX в. Не осуществившись до конца, реформа тем не менее нарушила устоявшуюся систему, сделав возможной последующую корректировку структуры придворного ведомства. Однако реформа не могла изменить основной принцип деятельности министерства, согласно которому действительное значение должностного лица определялось не столько его официальным положением, сколько личным фактором.

Источники

ГИМ — отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 224. Оп. 2. Д. 1–8.

Кривенко В. С. В министерстве императорского двора. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2006.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря : в 2 т. / под ред. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1966. Т. 1. 1883–1886.

Царские поездки в описании чинов Свиты (В. С. Оболенский и А. В. Голенищев-Кутузов о путешествиях Александра III) / публ. Н. В. Черниковой // Исторический архив. 2020. № 4. С. 156–173.

Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева / сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Шохина. М.: Индик, 2001.

Исследования

- Агеева О. Г.* Императорский двор России, 1700–1796 годы. М. : Наука, 2008.
- Агеева О. Г.* Императорский двор России эпохи Павла I. М. : Фонд «Связь Эпох», 2018.
- Высочков Л. В.* Будни и праздники императорского двора. СПб. : Питер, 2012.
- Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. : в 4 т. / отв. сост. Д. И. Раскин. Т. 3. СПб. : Наука, 2002.
- Девятков С. В., Зимин И. В.* Двор российских императоров: Энциклопедия жизни и быта : в 2 т. Т. 2. М. : Кучково поле, 2014.
- Зимин И. В.* Повседневная жизнь Российского императорского двора: Вторая четверть XIX – начало XX в.: Взрослый мир императорских резиденций. М. : Центрполиграф, 2010.
- Медицина и императорская власть в России: Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX в. По материалам деятельности Придворной медицинской части Министерства императорского двора Его Императорского Величества. 1 января 1843 – 15 июня 1918 г. / под ред. Г. Г. Онищенко. М. : Медия Пресс, 2008.
- Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М. : Российская политическая энциклопедия, 2007.
- Несмеянова И. И.* Управление императорским двором в XIX веке // Вестник Челябинского государственного университета. 1998. № 1. С. 59–65.
- Несмеянова И. И.* Российский императорский двор первой половины XIX века как социокультурный феномен. Челябинск : МОУ ВПО «Южно-Уральский профессиональный институт», 2007.
- Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894 гг.) / под ред. В. С. Кривенко: Ч. 1. Кн. 1. СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1901. Разд. паг.
- Потатина М. В.* Структура министерства императорского двора императорской России // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2018. № 19-1. С. 56–57.
- Черникова Н. В.* «Решительно самый интимный» Их Величествам человек: гофмаршал Александра III князь В. С. Оболенский // У истоков российской государственности. Исследования, материалы / ред. М. А. Казак, П. П. Симоненко, С. Я. Заурдина. Калуга : Эйдос, 2019. (Серия «Калужские страницы»). С. 165–169.

References

- Ageeva, O. G. (2008). *Imperatorskii dvor Rossii, 1700–1796 gody* [Imperial Court of Russia, 1700–1796]. Moscow: Nauka.
- Ageeva, O. G. (2018). *Imperatorskii dvor Rossii epokhi Pavla I* [Imperial Court of Russia in the Era of Paul I]. Moscow: Fond “Sviaz’ Epokh”.
- Chernikova, N. V. (2019). “Reshitel’no samyi intimnyi” Ikh Velichestvam chelovek: gofmarshal Aleksandra III kniaz’ V. S. Obolenskii [“Resolutely the Most Intimate” for Their Majesties Man: Prince V. S. Obolensky, State Marshall of Alexander III]. In M. A. Kazak, P. P. Simonenko, & S. Ya. Zaurdina (Eds.), *U istokov rossiiskoi gosudarstvennosti. Issledovaniia, materialy* [At the Origins of Russian Statehood. Research, Materials] (pp. 165–169). Kaluga: Eidos.
- Devyatov, S. V., & Zimin, I. V. (2014). *Dvor rossiiskikh imperatorov: Entsiklopediia zhizni i byta* [Court of Russian Emperors: An Encyclopedia of Everyday Life] (Vol. 2). Moscow: Kuchkovo pole.
- Ministerskaia sistema v Rossiiskoi imperii: K 200-letiiu ministerstv v Rossii* [The Ministerial System in the Russian Empire: For the 200th Anniversary of the Ministries in Russia] (2007). Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia.

Nesmeyanova, I. I. (1998). Upravlenie imperatorskim dvorom v XIX veke [Administration of the Imperial Court in the 19th Century]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 59–65.

Nesmeyanova, I. I. (2007). *Rossiiskii imperatorskii dvor pervoi poloviny XIX veka kak sotsiokul'turnyi fenomen* [The Russian Imperial Court in the First Half of the 19th Century as a Sociocultural Phenomenon]. Chelyabinsk: South Ural Professional Institute.

Onishchenko, G. G. (Ed.). (2008). *Meditsina i imperatorskaia vlast' v Rossii: Zdorov'e imperatorskoi sem'i i meditsinskoe obespechenie pervykh lits Rossii v XIX – nachale XX v. Po materialam deiatel'nosti Pridvornoi meditsinskoi chasti Ministerstva imperatorskogo dvora Ego Imperatorskogo Velichestva. 1 ianvaria 1843 – 15 iunია 1918 g.* [Medicine and Imperial Power in Russia: Health of the Imperial Family and Medical Support of the First Persons of Russia in the 19th – Early 20th Centuries. Based on the Activities of the Court Medical Unit of the Ministry of the Imperial Court of His Imperial Majesty. January 1, 1843 – June 15, 1918]. Moscow: Media Press.

Potapina, M. V. (2018). Struktura ministerstva imperatorskogo dvora imperatorskoi Rossii [Structure of the Ministry of the Imperial Court of Imperial Russia]. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 19(1), 56–57.

Raskin, D. I. (Ed.). (2002). *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniia Rossii. 1801–1917 gg.* [Higher and Central State Institutions of Russia. 1801–1917] (Vol. 3). St Petersburg: Nauka.

Vyskochkov, L. V. (2012). *Budni i prazdniki imperatorskogo dvora* [Weekdays and Holidays of the Imperial Court]. St Petersburg: Piter.

Zimin, I. V. (2010). *Povsednevnaia zhizn' Rossiiskogo imperatorskogo dvora: Vtoraia chetvert' XIX – nachalo XX v.: Vzroslyi mir imperatorskikh rezidentsii* [Everyday Life of the Russian Imperial Court: The Second Quarter of the 19th – Early 20th Centuries: Adult World of the Imperial Residences]. Moscow: Tsentrpoligraf.

Черникова Наталья Владимировна

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
Институт российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
E-mail: ncher@inbox.ru

Chernikova, Natalia Vladimirovna

Dr. Hab. (History), Leading Researcher
Institute of Russian History RAS
19, Dmitry Ulianov St., 117292 Moscow,
Russia
Email: ncher@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5163-9344>
Scopus AuthorID: 57192304694
WoS ResearcherID: AAS-3119-2020